

IV.

Единою лежитъ человѣку умерти.

Въ переживаемые тяжелые дни войны, когда всѣ такъ привыкли къ извѣстіямъ о смерти, когда почти ежедневно приходится читать длинные списки убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, — въ наши дни, казалось-бы, смерть мирнаго дѣятеля, каковъ духовный пастырь, должна пройти незамѣтно, не отражаясь даже на поверхности текущей жизни большого обществен-

наго центра. И, однако, вотъ уже третій день, какъ наблюдается явленіе прямо обратное такому предположенію.

Неожиданная кончина кафедральнаго протоіерея о. Гавріила собрала вокругъ его гроба множество людей разныхъ званій и состояній, отразилась въ настроеніи соборнаго прихода, глубоко всколыхнула духовный слой Одессы; несомнѣнно, что эту потерю скоро почувствуетъ и епархія, какъ уже почувствовали духовная администрація и высшая епархіальная власть.

Въ чемъ же искать объясненій такому явленію? Многое, конечно, тутъ объясняется служебнымъ положеніемъ покойнаго о. протоіерея, его продолжительной дѣятельностью въ кафедральномъ соборѣ, его извѣстностью среди населенія Одессы,—но еще болѣе—его рѣдкою работоспособностью, широкимъ вліяніемъ на дѣла епархіи, близостью къ херсонскимъ архипастырямъ,—вообще его нравственнымъ обликомъ.

Не берусь воспроизводить предъ вами обстоятельно и точно труды и заслуги почившаго,—это выше моихъ силъ и достаточно выяснено сегодня съ соборной кафедры;—пусть мое прощальное слово усопшему будетъ воспоминаніемъ, нитью воспоминаній о немъ.

Мнѣ суждено было прослужить въ стѣнахъ этого соборнаго храма съ о. протоіереемъ Гавріиломъ 12 лѣтъ, и я вправѣ считать его своимъ руководителемъ въ изученіи пастырской практики, какъ она понималась и требовалась отъ соборнаго священника. Удивительно уравновѣшенъ, прямъ и внимателенъ былъ онъ въ самыхъ деликатныхъ вопросахъ взаимнаго служенія! Всегда жизнерадостный, далеко не замкнутый, чуждый нервности, снѣ вливалъ въ совмѣстную товарищескую жизнь свѣжую, бодрящую въ трудѣ, струю, вызывалъ охоту къ дѣлу, помогалъ, не дожидаясь даже намеба, что помощь нужна.

Вотъ поднимается въ моемъ сознаніи его мощный, серьезно-благодупный, сознающій свою силу, образъ! Ему было за 70 лѣтъ, но жизнь и труды точно не торопились положить на него свой отпечатокъ. Организмъ былъ удивительно крѣпокъ и спокойный

еще наканунѣ послѣдняго утра вѣрилъ, что энергіи ему хватитъ на нѣсколько лѣтъ.

Цѣлые дни онъ занимался напряженно умственной работой. Правда, это была работа не научная, теоретическая. Практическій складъ ума велъ его къ работѣ въ административномъ, церковно-общественномъ направленіи. Онъ превосходно изучилъ мѣстное херсонское духовенство, во главѣ котораго стоялъ, зналъ его болячки, нужды, тяжелыя и отрадныя стороны жизни и въ качествѣ члена мѣстной консисторіи давалъ тонъ и направленіе множеству дѣлъ. Во всѣхъ его мнѣніяхъ и взглядахъ сквозили ясный умъ, широкая опытность, острый и точный анализъ явленій и взаимоотношеній лицъ, которыя ему приходилось обсуждать.

Самъ себѣ пробивъ въ жизни дорогу, онъ зналъ себѣ цѣну и цѣну другимъ. Это уважали; не знаю, боялись ли его, но знаю, что всѣ Архіепископы Херсонской епархіи, при которыхъ онъ служилъ—люди разнаго склада мысли, разныхъ темпераментовъ и требованій—всѣ одинаково оказывали ему свое вниманіе, поддерживали его, и потому онъ былъ крушой силой. Однако, его сила ни епархіи, ни дѣлу, на которое онъ былъ поставленъ, не приносила никакого вреда,—больше того: она была прямо благотворна. Никому и ничему онъ не мѣшалъ идти впередъ, не имѣлъ избранныхъ и любимцевъ, тщательно избѣгалъ проводить въ люди родню, до смерти остался врагомъ взяточничества, искательства...

Почившій искренно и глубоко вѣрилъ въ добро и правду, въ Божественный Промыслъ, руководящій жизнью, въ благородство человѣческаго духа. Не одни только лавры и розы рассыпала на пути его жизнь. Два сына его умерли въ расцвѣтѣ силъ. Третій взятъ въ плѣнъ японцами и до сегодня еще остается въ плѣну. Легко эти сердечныя раны отца вскрыть, но каково съ ними жить! А почившій умѣлъ быть бодрымъ, не только не выдавать тайнаго, точившаго его душу, горя, но и

ободрять своихъ близкихъ, поддерживать въ нихъ яркую надежду на счастье...

Земные планы, земныя тревоги, все земное отошло теперь для усопшаго прочь. Ангель смерти воззвалъ его на послѣдній незримый судъ Бога. Вѣрю, что когда ему напишутъ всѣ его дѣянiя, подведутъ черту и скажутъ: «высчитай и напиши итогъ»,—онъ подпишетъ: «я вѣрилъ,—вѣрилъ въ людей, въ свое дѣло, и въ самого себя; я любилъ, какъ можетъ любить христiанинъ и христiанскiй пастырь; я надѣялся на Тебя, Праведный Боже!»...

Протоіерей Сергій Петровскій.

V.

Еще минута—и холодная могила на вѣки сокроетъ отъ насъ твой прахъ, возлюбленный Настоятель и руководитель нашъ, приснопамятный отецъ Гавріилъ! Прійми же въ эту минуту отъ твоихъ сослужителей у престола Божiя и подчиненныхъ, членовъ причта соборнаго, послѣднее «прости»! Ты тѣломъ уходишь отъ насъ, но бессмертный духъ твой съ нами. Ты видишь общую печаль нашу, усугубленную неожиданностью твоей кончины. Ты видишь, кто изъ насъ въ неутѣшномъ горѣ по разлугѣ съ тобой пролилъ слезу у гроба твоего, кто съ чувствомъ благодарности къ тебѣ преклонялъ колѣни, вознося усердныя молитвы о тебѣ, кто отъ унынiя и скорби понижъ главой своей. Печаль наша—печаль дѣтей у гроба отца; ибо ты былъ истиннымъ отцомъ всего причта: горе и радость каждаго изъ насъ были твоими горемъ и радостью. Какъ ни бывалъ ты удрученъ личною скорбью, отягченъ своими заботами и трудами, но у тебя всегда находилось слово ободренiя, слово утѣшенiя, благого совѣта каждому изъ насъ, кто шелъ къ тебѣ со своимъ горемъ, несъ къ тебѣ свои тяготы. Всегда благожелательный и дружелюбный, всегда снисходительный и привѣтливый, ты не измѣнялъ характера своего обращенiя съ нами ни при какихъ обстоятельствахъ. Если и въ семьѣ, среди кровныхъ братьевъ случаются недоразумѣнiя; если члены семьи,